

В. С. Дорошенко

Судебный участок № 1 Лангепасского судебного района (Лангепас),
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ТРУБОПРОВОД КАК МЕСТО КРАЖИ НЕФТИ И ЕЕ ПРОДУКТОВ

Автором проведено обобщение судебной практики, которое показало, что единственный для правоприменителя бланкетный метод установления признаков специальных трубопроводов, перечисленных в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, зачастую приводит к противоречивым результатам в аналогичных правовых ситуациях. В статье анализируются причины некоторых проблем применения уголовных норм, охраняющих специальный трубопроводный транспорт.

Для устранения теоретических и практических разночтений в определении признаков трубопроводов, обозначенных в норме о краже, унификации правоприменительной практики автор предлагает, в частности, исключить из указанной уголовной нормы все ссылки на любые трубопроводы, а дальнейшее противодействие преступным посягательствам на нефтепроводы, нефтепродуктопроводы и иные химически опасные объекты транспорта развивать исключительно в пределах нормы, предусмотренной ст. 215.3 УК РФ.

Ключевые слова: хранилище, трубопровод, хищение из нефтепровода, нефтепровод, повреждение нефтепровода, нефтепродуктопровод

Для цитирования

Дорошенко В. С. Трубопровод как место кражи нефти и ее продуктов // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 2. С. 16–24. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_16.

УДК 343

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_16

Особенности объективной стороны кражи газа, нефти и ее продуктов зачастую сопряжены с местом преступного изъятия имущества. К такому месту п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ относит нефтепровод, нефтепродуктопровод и газопровод. При этом единственно возможный для правоприменителя бланкетный метод установления признаков указанных трубопроводов на практике приводит к противоречивым результатам, поскольку специальные технические нормы, определяющие понятие «трубопровод», весьма разнородны по сфере и специфике применения.

Так, в приговорах Когалымского городского суда от 8 июля 2016 г. по делу № 1-126/2016 и от 23 октября 2019 г. по делу № 1-57/2019, вынесенных по одним и тем же преступным событиям, магистральный конденсатопровод «Уренгой – Сургут» отнесен

к охраняемым уголовным законом трубопроводам разных видов.

По первому приговору П. Г. Абушев был признан виновным в хищении газового конденсата из нефтепродуктопровода, поскольку суд, отталкиваясь от тезиса о том, что похищенное, являвшееся жидким углеводородным сырьем (нефтепродуктом), по составу близким к «дизельному топливу», т. е. не газом, отнес конденсатопровод к подвиду нефтепродуктопровода. Во втором приговоре действия А. М. Искендерова, соучастника П. Г. Абушева, квалифицированы как кража из газопровода. Такой вывод был основан на функциональной возможности конденсатопровода перемещать конденсат, в том числе газовый, поэтому суд посчитал конденсатопровод подвидом газопровода. Экспертные заключения, имеющиеся в указанных делах,

ясности не добавили, представленные для исследования образцы газового конденсата в них были определены одновременно и как сырье, и как нефтепродукт.

Необходимо знать, что газовый конденсат является видом углеводородного сырья, получаемого при разделении газоконденсатной смеси. Его состояние может быть нестабильным и стабильным. Для перехода в стабильное состояние газовый конденсат очищается от примесей до получения смеси из бензино-керосиновых фракций. Данная информация основана на Методических рекомендациях по определению и обоснованию технологических потерь газового конденсата, утвержденных Минэнерго России 12 апреля 2018 г.

В приговорах Сургутского районного суда от 16 февраля 2018 г. по делу № 1-22/2018 в отношении организованной группы В. А. Чичаева, от 21 января 2019 г. по делу № 1-74/2019 в отношении группы В. В. Филиппова сделан вывод о том, что технологические емкости вакуумных компрессорных станций цеха сбора, добычи и транспортировки газа относятся к системе магистрального газопровода. Соответственно в итоговой квалификационной формуле в этих приговорах учитывался, в частности, и признак кражи из газопровода.

Между тем в пяти приговорах Ханты-Мансийского районного суда, вынесенных в отношении С. В. Токарева (дело № 1-78/2019), Р. Ф. Бухарметова (дело № 1-103/2019), И. И. Иксанова (дело № 1-110/2019), А. В. Андросова (дело № 1-143/2019), Д. Н. Бобова (дело № 1-232/2019), суд пришел к иным квалификационным выводам. В этих решениях хищение газового конденсата из объектов аналогичной технологической системы при похожих преступных обстоятельствах оценено лишь с учетом квалифицирующего признака, определяющего размер похищенного. Такую же оценку можно увидеть и в приговоре Сургутского районного суда от 21 февраля 2011 г., вынесенного в отношении преступной группы Б. Х. Гичикаева.

В приговоре Кондинского районного суда от 3 сентября 2014 г. по делу № 1-79-2014 в отношении преступной группы В. В. Журавлева при окончательной юридической оценке деяния (покушение на кражу из нефтепровода группой лиц по предварительному сговору) сам нефтепровод, из которого совершалось хищение, вообще не указан.

Сделана ссылка лишь на проникновение на территорию дожимной насосной станции цеха добычи нефти, а также на открытие задвижки пункта налива нефти для наполнения автоцистерны преступников.

Примеры из судебной практики наглядно демонстрируют трудности, которые возникают перед правоприменителем изначально при определении, а затем установлении и правильном формулировании существенных, юридически значимых признаков специальных трубопроводов, охраняемых нормой, закрепленной в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Отсутствие соответствующей разъясняющей позиции Верховного Суда РФ только углубляет разночтения в правоприменении.

На наш взгляд, установление наиболее подходящего определения в широком перечне специальных норм, которые регулируют вопросы проектирования, конструирования, эксплуатации, промышленной безопасности трубопроводов, специально указанных в уголовном законе, не решит обозначенную проблему. Представляется, что правильные правовые оценки невозможны без уяснения их сущностного, функционального и эксплуатационного предназначения.

По устоявшемуся доктринальному мнению, объекты трубопроводного хозяйства, указанные в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, являются специальным видом хранилища, поскольку определяются через общее понятие «трубопровод», закрепленное в третьем примечании к ст. 158 УК РФ. Указанный термин толкуется расширительно и охватывает своим содержанием все без исключения трубопроводы, в том числе магистральные. Такую точку зрения высказывают А. М. Плешаков и В. А. Осипов. Они утверждают, что к объектам хранения следует относить как сами трубы, так и их запорную арматуру [Плешаков, Осипов 2018: 156–157].

Аналогично рассуждают многие представители доктрины, в частности Н. А. Лопашенко, Н. А. Карпова, Ю. Трунцевский. Определяя нефтепровод как систему транспортировки нефти и ее продуктов до потребителя, они все-таки называют технологические объекты этого вида своеобразным хранилищем [Лопашенко 2012: 406; Трунцевский 2007: 2; Карпова 2011: 88].

Поддерживают такую позицию и начинающие исследователи анализируемой проблемы. Например, А. С. Туманов, разбирая тер-

минологические вопросы, связанные с понятием «трубопровод», однозначно указывает, что это понятие в значении «хранилище» является общей уголовно-правовой категорией [Туманов 2020: 128].

Подобные рассуждения вполне обоснованны, поскольку следуют из конструкции диспозиции нормы о краже, в частности третьего примечания к ней. Однако они не учитывают криминологические и законотворческие обстоятельства внедрения этого термина в Уголовный кодекс, а также вступают в конфликт с определениями трубопровода, нефтепровода, нефтепродуктопровода, данными в технических актах нормативного характера.

До легального определения в уголовном законе понятия хранилища Верховный Суд Российской Федерации предлагал понимать под ним специальное место, основная функция которого заключается в обеспечении безопасности и сохранности хранимого (решение Верховного Суда РФ 2002 г. по делу № 3-Дп03-19. Однако после вступления 5 ноября 2002 г. в законную силу изменений Уголовного кодекса, внесенных в него Федеральным законом от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ, под хранилищем стали понимать любые сооружения, функционально предназначенные для постоянного или временного хранения материальных ценностей, оборудованные ограждением, техническими средствами или иной охраной.

Синтаксически уголовно-правовое определение хранилища (в третьем примечании к ст. 158 УК РФ) причисляло к нему и магистральный трубопровод, но только если он соответствовал вышеуказанным признакам. Можно заключить, что уголовный закон охранял только магистральный трубопровод, предназначенный для временного хранения материальных ценностей.

Следует отметить, что в первых редакциях проекта Федерального закона в дефиниции хранилища предлагалось использовать понятие «магистральный нефтепродуктопровод», а не «магистральный трубопровод».

Специальное выделение магистрального трубопровода в перечне сооружений хранения диктовалось опасной криминологической обстановкой того времени, проявлявшейся в прогрессирующем росте количества криминальных врезок в трубопроводы ПАО «Транснефть», монополю эксплотирующей

их магистральный вид¹. Такие незаконные вмешательства в систему магистральной транспортировки углеводородов создавали серьезные угрозы экономической безопасности государства.

Из сказанного можно заключить, что внедрение в дефиницию понятия «хранилище» термина «магистральный трубопровод» было основано на потребности усилить уголовное противодействие именно названной криминальной проблеме.

Примечательно, что обсуждаемые изменения уголовного закона сопровождались ослаблением репрессии за кражу из хранилища. Тяжесть криминального изъятия имущества из химически опасного трубопровода была снижена до средней, и наказание за это преступление было приравнено по своей строгости к наказанию за обычную кражу из «сарая». В научной литературе по данному поводу высказывалось мнение, что изменения 2006 г., привнесшие в Уголовный кодекс п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, были обусловлены необходимостью устранения именно этой законодательной ошибки [Петруханов 2014: 159]. Достоверность последнего суждения следует из содержания пояснительной записки к проекту федерального закона № 288967-4 «О внесении изменений в УК РФ и статью 151 УПК РФ». Оно объективно подтверждается и статистикой криминальных врезок в магистральные трубопроводы ПАО «Транснефть». Их число увеличилось с 748 в 2003 г. до 1132 в 2005 г.²

В целях усиления охраны объектов топливно-энергетического комплекса Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ было изменено содержание п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Указанная норма стала предусматривать ответственность за кражу из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Одновременно в Уголовный кодекс добавлена ст. 215.3, устанавливающая ответственность за повреждение как трубопроводов указанных видов, так и магистрального трубопровода; из определения понятия «хранилище» удалено слово «магистральный».

Осуждая пересмотр анализируемой уголовно-правовой нормы в угоду ситуации,

¹ Сливной бизнес. 2018 // URL <https://www.transneft.ru/pressReleases/view/id/11871> (дата обращения: 12.05.2021).

² Там же.

характеризовавшейся увеличением количества определенных противоправных деяний, Н. А. Лопашенко все-таки допускала буквальное понимание термина «трубопровод», позволяющее относить к ним любые трубопроводы, а не только перемещающие нефть, нефтепродукты и газ [Лопашенко 2012: 406]. Необходимо отметить, что авторы подобных распространенных в доктрине утверждений, очевидно, не учитывают историю создания и изменения исследуемой нормы.

Интересно, что еще в 2007 г. А. Безверхов и О. Адоевская связывали все отмеченные теоретические и практические сложности с качеством подзаконных нормативных актов, раскрывающих смысл категорий «трубопровод», «нефтепровод», «нефтепродуктопровод», «газопровод», «магистральный трубопровод». Они полагали, что данные термины наполнятся понятным правоприменителю содержанием после принятия федерального закона «О магистральном трубопроводном транспорте» [Безверхов, Адоевская 2007: 15]. Однако этот нормативный акт не принят до сих пор.

Анализируя специальные технические нормы того периода, К. Н. Сережкина обращала внимание на то, что суть термина «магистральный трубопровод» раскрывается путем перечисления включенных в него различных элементов, объектов, сооружений, и некоторые из них, обеспечивая транспортировку углеводородов, технологически задействованы в их временном хранении [Сережкина 2007: 142]. Например, действующий по настоящее время СНИП 2.05.06-85 «Магистральные трубопроводы», утвержденный постановлением Госстроя СССР от 30 марта 1985 г. № 30, определяет магистральный трубопровод путем перечисления его составных элементов, к которым относятся, в частности, трубопроводы с запорной арматурой, установки электрохимической защиты, линии электропередач, компрессорные распределительные станции, дороги, вертолетные площадки, а также станции подземного хранения газа, нефти и нефтепродуктов. Похожие конструкции определения можно встретить в Правилах охраны магистральных трубопроводов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 8 сентября 2017 г. № 1083, а также в нормах об их технологическом проектировании, утвержденных приказом Минэнерго России от 24 апреля 2002 г. № 129.

Сопоставляя положения уголовного закона, раскрывающие понятие «хранилище», с названными техническими актами нормативного характера, можно сделать вывод, что термин «магистральный трубопровод» следовало бы воспринимать как обозначающий некую технологическую систему, включающую объекты различного функционального назначения. В связи с этим уголовная ответственность по признаку п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ могла наступать лишь в тех случаях, когда кража совершалась из сооружения, входящего в структуру магистрального трубопровода, непосредственно предназначенного для временного либо постоянного хранения материальных ценностей.

По нашему убеждению, при ином толковании уголовного закона происходит смешение общего для всех элементов системы магистрального трубопровода предназначения – транспортировки углеводородов – с частной функцией хранения, свойственной отдельным сооружениям, само существование которых обусловлено только указанным общим назначением. Придание частному признаку, свойственному некоторым сооружениям, значения общего для всей системы и распространение этого признака на все ее структурные единицы является алогичным, а с технической точки зрения – абсурдным.

Исключение признака магистрали из уголовно-правового определения термина «хранилище» стало следствием очередного казусного пересмотра анализируемой нормы. И. А. Клепицкий и А. В. Бриллиантов полагали, что исключение из уголовно-правового определения хранилища слова «магистральный» обусловлено установлением новой уголовной ответственности за кражу из немагистральных, но специализированных трубопроводов – нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода [Комментарий 2010: 499]. Именно это законотворческое решение послужило причиной современного расширительного толкования термина «трубопровод», допускающего наступление повышенной ответственности за хищения из абсолютно любого трубопровода.

Возможно, сохранение термина «трубопровод» в определении понятия хранилища и обеспечивает видимость системной преемственности в конструкции нормы

о краже. Однако указанное решение привело к тому, что уголовно-правовое определение хранилища в анализируемой части явно противоречит нормам технического характера, обращение к которым обязательно, поскольку исследуемая статья уголовного закона и примечание к ней бланкетны.

Так, согласно п. 2.1.7 рекомендаций «Обеспечение пожарной безопасности предприятий нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности» (утв. ФГУ ВНИИПО МЧС России 24 мая 2004 г.) трубопровод – это сооружение из плотно соединенных между собой труб, использующееся для транспортирования жидких и газообразных продуктов.

Изначально термин «магистральный трубопровод» в уголовно-правовой дефиниции хранилища появился в целях противодействия криминальным врезкам именно в магистральные нефтепроводы, нефтепродуктопроводы

Пункт 2.7.1 Правил промышленной безопасности складов нефти и нефтепродуктов (утв. приказом Ростехнадзора от 7 ноября 2016 г. № 461) к технологическим трубопроводам относит конструкцию (сооружение), состоящую из труб, деталей и элементов трубопровода, предназначенную для перемещения нефти, нефтепродуктов, отработанных нефтепродуктов, а также нефтепродуктопровод.

В приказе Ростехнадзора от 15 декабря 2020 г. № 534 трубопровод обозначен как линейный объект (сооружение) с комплексом технических устройств на нем для транспортирования газообразных и жидких сред под действием напора.

На основании п. 7 ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» магистральные газопроводы, нефтепроводы, нефтепродуктопроводы отнесены к системе линейно-протяженных объектов топливно-энергетического комплекса, обеспечивающих транспортировку газа, нефти и нефтепродуктов.

Обобщая положения названных актов, можно заключить, что трубопровод, а также его разновидности – нефтепровод, нефтепро-

дуктопровод и газопровод – признаются линейно-протяженными объектами, которые состоят из труб, соединительных деталей и арматуры и предназначены для передачи по ним жидких либо газообразных сред на расстояние. Соответственно, под терминами «трубопровод», «нефтепровод», «нефтепродуктопровод», «газопровод», использованными в норме о краже, вполне обоснованно могут и должны пониматься сооружения транспорта, а не хранения. Указанный вывод согласуется с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который в Постановлениях от 27 мая 2003 г. № 9-П, от 27 мая 2008 г. № 8-П, от 13 июля 2010 г. № 15-П, от 17 июня 2014 г. № 18-П, в Определении от 2 сентября 2017 г. № 2165-О неоднократно указывал, что оценка степени определенности содержащихся в уголовном законе понятий должна осуществляться с учетом как самого текста закона и используемых в нем формулировок, так и их места в системе нормативных предписаний.

Вместе с тем не стоит исключать того, что в некоторых частных случаях собственники и даже преступники могут приспособить выведенный из строя трубопровод для хранения материальных ценностей. В этих обстоятельствах он утрачивает технологическую природу, соответственно перестает быть трубопроводом в том значении, которое ему придают специальные технические нормы. Трубопровод (тело трубы) становится некой изолированной, но достаточно протяженной емкостью. Только в таких случаях противоправное изъятие из него имущества может быть квалифицировано по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ как кража из иного хранилища, что весьма справедливо, технически и юридически обоснованно.

Например, участники преступной группы С. Н. Дядича, осужденные приговором Нижневартковского районного суда от 28 апреля 2017 г. по делу 1-22/2017, в качестве временной емкости для хранения похищенного имущества использовали недействующий, выведенный из эксплуатации трубопровод.

Можно заключить, что изначально термин «магистральный трубопровод» в уголовно-правовой дефиниции хранилища появился в целях противодействия криминальным врезкам именно в магистральные нефтепроводы, нефтепродуктопроводы. В последую-

щем в тех же целях термин «трубопровод» в данной дефиниции был сохранен, поскольку он обеспечил логической связью новый квалифицирующий признак «кража из нефтепровода нефтепродуктопровода, газопровода» с признаком кражи из иного хранилища.

Подобное решение породило ряд отрицательных теоретических и практических последствий. Прежде всего (повторим) возникли явные противоречия между уголовно-правовым определением хранилища и правовыми нормами технического характера относительно существа и функционального предназначения трубопровода, спорно разрешаемые в пользу указаний Уголовного кодекса, согласно которым сооружение, представляющее собой специальную разновидность транспорта, априори наделено функцией хранения. В конструкции ст. 158 УК РФ возникла конкуренция между п. «б» ч. 2 (хищение из иного хранилища) и п. «б» ч. 3 (хищение из нефтепровода), усугубляющая правовое положение виновного, на что справедливо указывает А. И. Рарог [Уголовное право 2007: 159]. Теоретически стали возможными ситуации, при которых некоторые хищения из трубопровода стали считаться более общественно опасными, чем хищение самого трубопровода либо его конструктивного элемента.

В содержании новых уголовно-правовых терминов не учитываются признаки иных видов химических опасных трубопроводов, например конденсатопроводов, преступные посяательства на которые весьма распространены.

Представляется спорной квалификация по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ кражи из конденсатопровода или другого трубопровода, близкого по технической природе к нефтепродуктопроводу либо газопроводу. Понимание разницы между этими видами трубопроводного транспорта, в частности, следует из ст. 74 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», раздела 4.2 распоряжения Правительства РФ от 30 сентября 2018 г. № 2101-р, а также из приказа Ростехнадзора от 30 марта 2020 г. № 139, отдельно предусматривающих разные требования как для нефтепродуктопровода, так и для конденсатопровода.

Вместе с тем конденсатопровод транспортирует газовый конденсат, который определяется как вид углеводородного сырья. Можно

сделать вывод, что конденсатопровод по своей сути нефтепродуктопроводом не является, он предназначен для транспортировки и хранения прежде всего газового сырья. Соответственно, кража из него (исходя из буквального толкования нормы) не может образовывать квалифицирующий признак по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Представляется, что данные рассуждения применимы в обозначенных условиях и к другим видам трубопроводов, специально не указанных в анализируемой норме.

Примечательно, что конденсатопровод как вид специально охраняемого трубопроводного транспорта не упоминается не только в ст. 158 УК РФ, но и в диспозиции ст. 215.3 УК РФ. При этом предусмотренная в чч. 2 и 4 ст. 215.3 УК РФ уголовно-правовая защита магистрального трубопровода по своей правовой сути не исключает наступления уголовной ответственности за повреждение «магистрального конденсатопровода».

В теории и судебной практике стало допускаться отождествление магистрального трубопровода, криминальное повреждение которого преследуется по ст. 215.3 УК РФ, с другими видами трубопроводов, указанными в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ [Трунцевский 2007: 2]. Поэтому в практической среде высказываются мнения о том, что проникновения в любое из сооружений, обеспечивающих работу магистральных трубопроводов, достаточно для привлечения лица к ответственности по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ. А. С. Туманов не усматривает в данной позиции прочной юридической опоры. Отмечая, что понятия «магистральный нефтепровод» нет в Уголовном кодексе, он категорически заявляет, что с учетом установленной дефиниции трубопровода квалификация действий виновного по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ недопустима [Туманов 2020: 128].

На наш взгляд, такое умозаключение весьма спорно. Исходя из содержания нормативно закрепленных определений терминов «нефтепровод» и «магистральный нефтепровод», бесспорно, можно заключить, что они находятся в тесных логических отношениях рода и вида. Термин «нефтепровод» с точки зрения объема и содержания всецело подчинен термину «магистральный нефтепровод». Соответственно, анализируемая уголовная норма в действующей редакции законодательно применяется в случаях хищения из магистрального трубо-

провода. Однако А. С. Туманов справедливо замечает, что общественная опасность посягательства на магистральный трубопровод существенно выше опасности посягательства на обычный нефтепровод. К такому выводу можно прийти в результате анализа конструкций диспозиций ст. 215.3 УК РФ. Наказание за посягательство на магистральный трубопровод строже, чем за посягательство на обычный нефтепровод.

Обозначенные вопросы правоприменения являлись предметом оценки Верховного Суда Российской Федерации. Его определением от 10 августа 2018 г. № 305-КГ18-12458 оставлена без удовлетворения кассационная жалоба ПАО «Газпром». Этому обществу был доначислен налог, поскольку объект налогообложения – спорный газопровод – к числу магистральных не относится. Интересен вывод Суда о том, что всякий газопровод отличается от магистрального газопровода как терминологически, так и технологически.

В определении от 17 ноября 2014 г. № 305-КГ14-3662 Верховный Суд обратил внимание и на то, что входящее в состав спорных трубопроводов оборудование, по наименованию совпадающее с оборудованием магистрального трубопровода, само по себе не свидетельствует о возможности отнесения его к составу магистрального трубопровода, поскольку названные сооружения (спорные трубопроводы) представляют собой имущественный комплекс, не являющийся магистральным трубопроводом и не зарегистрированный в качестве такового. Не свидетельствует о том, что спорные трубопроводы являются магистральными, и то обстоятельство, что газопровод и конденсатопровод сообщены с магистральным трубопроводом, так как они выполняют лишь функцию транспортировки соответствующего продукта до магистрального трубопровода.

По нашему убеждению, единственно верным решением всех указанных теоретических и практических проблем выступает однозначное исключение из нормы о краже всех ссылок на любые трубопроводы. Их актуальность в текущей редакции уголовно-

го закона давно утрачена. Появившаяся еще в 2006 г. специальная норма, закрепленная в ст. 215.3 УК РФ, пресекает любое криминальное воздействие на трубопроводы. Она непосредственно обеспечивает стабильность отношений общественной безопасности, угроза которым возникает при любом преступном посягательстве, сопряженном с работой нефтепровода. Тем самым данная норма перекрывает потребности в уголовно-правовой охране указанных в ней трубопроводов.

Между тем квалифицирующий признак кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода лишь добавляет трудности применению ст. 215.3 УК РФ. Зачастую на практике повреждения трубопроводов, сопряженные с кражей из них, оцениваются как способ совершения хищения, а потому остаются за рамками правовых оценок. Однако сохранению обозначенной проблемы содействует и несовершенство конструкции самой нормы о повреждении нефтепровода. Тем не менее одновременное присутствие указанных норм в Уголовном кодексе порождает вопросы даже у Верховного Суда РФ.

В официальном отзыве от 14 ноября 2017 г. № 3-ВС-8539/17 на проект федерального закона от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ «О внесении изменений в ст. 215.3 УК РФ и ст. 150 и 151 УПК РФ» Верховный Суд РФ просил законодателя обозначить признаки, по которым самовольное подключение к нефтепроводу, его нефтепродуктопроводу и газопроводу, их повреждение отличны от кражи из них. Указанная просьба оставлена законодателем без внимания.

Представляется очевидным, что дальнейшее противодействие преступным посягательствам на нефтепроводы, нефтепродуктопроводы, а также иные химически опасные объекты транспорта следует осуществлять исключительно в пределах ст. 215.3 УК РФ. Нужно работать над устранением ее явных конструктивных недостатков, связанных с логическими противоречиями в описании объективной стороны, исключить внедрение обязательных мотивов, устранить неоднозначные ссылки на преступные последствия.

Список литературы

Безверхов А., Адоевская О. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за кражу, совершенную из нефтепровода и нефтепродуктопровода // Уголовное право. 2007. № 2. С. 12–16.

Карпова Н. А. Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности. М.: Юриспруденция, 2011. 184 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Бриллиантов. М., 2010. 1392 с.

Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2012. 528 с.

Петруханов С. Н. К вопросу о квалификации кражи, совершенной путем незаконного доступа к имуществу // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 159–162.

Плешаков А. М., Осипов В. В. Уголовная ответственность за хищение нефти или нефтепродуктов и за их незаконное приобретение: вопросы квалификации // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 155–159.

Сережкина К. Н. Системный анализ уголовно-правовых положений Федерального закона РФ от 30.12.2006 № 283-ФЗ // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер. Право. 2007. № 1. С. 142–145.

Трунцевский Ю. Как спасти нефть от хищения // Эж-Юрист. 2007. № 5.

Туманов А. С. Бланкетный характер уголовно-правовой нормы за кражу, совершенную из трубопровода // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 128–131.

Уголовное право России. Особенная часть: учеб. для студентов вузов / под ред. А. И. Рагога. М.: Инфра-М, 2007. 683 с.

Виталий Сергеевич Дорошенко – мировой судья судебного участка № 1 Лангепасского судебного района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, соискатель кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 628672, Российская Федерация, Лангепас, ул. Дружбы Народов, д. 20. E-mail: LOW71@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8753-7350

Pipeline as a Place of Theft of Oil and its Products

Generalization of judicial practice, conducted by the author, showed, that the only one blanket method establishing signs of special pipelines, listed in Article 158 (part 3, paragraph «b») of the Criminal Code of the Russian Federation, often leads to contradictory results in similar legal situations. This article analyzes the causes of some problems in the application of criminal norms protecting special pipeline transport.

In order to eliminate theoretical and practical discrepancies in the definition of the signs of pipelines listed in the rule establishing liability for theft, and to unify law enforcement practice, the author proposes, in particular, to exclude all references to any pipelines from the specified criminal norm. Also, further counteraction to criminal encroachments on oil pipelines, oil product pipelines, and other chemically hazardous transport facilities is proposed to be carried out only within the framework of Article 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: storage, pipeline, theft from an oil pipeline, oil product pipeline, damage to an oil pipeline, oil product pipeline

Recommended citation

Doroshenko V. S. Truboprovod kak mesto krazhi nefiti i ee produktov [Pipeline as a Place of Theft of Oil and its Products], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 2, pp. 16–24, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_2_16.

References

Bezverkhov A., Adoevskaya O. Problemy differentsiatsii ugovlovnoi otvetstvennosti za krazhu, sovershennuyu iz nefteprovoda i nefteproduktoprovoda [Problems of Differentiation of Criminal Liability for Theft Committed from an Oil Pipeline and an Oil Product Pipeline], *Ugolovnoe pravo*, 2007, no. 2, pp. 12–16.

Brilliantov A. V. (ed.) *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation], Moscow, 2010, 1392 p.

Karpova N. A. *Khishchenie chuzhogo imushchestva: voprosy kvalifikatsii i problemy differentsiatsii ugolovnoi otvetstvennosti* [Theft of Another's Property: Questions of Qualification and Problems of Differentiation of Criminal Responsibility], Moscow, Yurisprudentsiya, 2011, 184 p.

Lopashenko N. A. *Posyagatel'stva na sobstvennost'* [Infringement on Property], Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 528 p.

Petrukhanov S. N. K voprosu o kvalifikatsii krazhi, sovershennoi putem nezakonnogo dostupa k imushchestvu [On the Question of Qualification of Theft Committed by Illegal Access to Property], *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2014, no. 2, pp. 159–162.

Pleshakov A. M., Osipov V. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za khishchenie nefti ili nefteproduktov i za ikh nezakonnoe priobretenie: voprosy kvalifikatsii [Criminal Liability for the Theft of Oil Product Pipelines and for Illegal Acquisition: Qualification Questions], *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2018, no. 3, pp. 155–159.

Rarog A. I. (ed.) *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'* [Criminal Law of Russia. Special Part], Moscow, Infra-M, 2007, 683 p.

Serezhkina K. N. Sistemnyi analiz ugolovno-pravovykh polozhenii Federal'nogo zakona RF ot 30.12.2006 № 283-FZ [Systematic Analysis of the Criminal Law Provisions of the Federal Law of the Russian Federation no. 283-FZ Dated 30.12.2006], *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Ser. Pravo*, 2007, no. 1, pp. 142–145.

Truntsevskii Yu. Kak spasti neft' ot khishcheniya [How to Save Oil from Theft], *Ezh-Yurist*, 2007, no. 5.

Tumanov A. S. Blanketnyi kharakter ugolovno-pravovoi normy za krazhu, sovershennuyu iz truboprovoda [Blank Character of Criminal Law Norms for Theft Committed from the Pipeline], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2020, no. 4, pp. 128–131.

Vitaly Doroshenko – justice of the peace of the judicial precinct no. 1 Langepassky judicial district of the Khanty-Mansi Autonomous County – Yugra, applicant of the Department of criminal law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 628672, Russian Federation, Langepas, Druzhby Narodov str., 20. E-mail: LOW71@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8753-7350

Дата поступления в редакцию / Received: 20.12.2021

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.03.2022